

О ВОЗМОЖНОМ БИОГРАФИЧЕСКОМ ПОДТЕКСТЕ СОНЕТА

О. МАНДЕЛЬШТАМА «КАЗИНО» (1912)

В статье рассматривается возможный биографический подтекст сонета О. Мандельштама «Казино». Выдвигается гипотеза, что в нем присутствует аллюзия на трагическую гибель художника и декоратора Николая Сапунова (1880–1912).

Ключевые слова: Осип Мандельштам; Николай Сапунов; биографический подтекст; литературный быт.

Я не поклонник радости предвзятой,
Подчас природа – серое пятно;
Мне, в опьянении легком, суждено
Изведать краски жизни небогатой.

Играет ветер тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И бездыханная, как полотно,
Душа висит над бездною проклятой.

Но я люблю на дюнах казино,
Широкий вид в туманное окно
И тонкий луч на скатерти измятой;

И, окружен водой зеленоватой,
Когда, как роза, в хрустале вино, –
Люблю следить за чайкою крылатой!

О сонете Осипа Мандельштама «Казино» многие исследователи, в том числе, М.Л. Гаспаров, писали как о поэтическом манифесте зарождавшегося в 1912 г. акмеизма¹. Ни в коей мере не отрицая плодотворности такого подхода, мы далее попробуем выявить еще один, куда менее очевидный биографический слой мандельштамовского стихотворения.

3 июня 1912 г. Мандельштам провел в гостях у своего близкого приятеля – поэта Владимира Пяста. Здесь с ним случайно встретился Александр Блок, в дневнике которого появилась лаконичная запись: «Вечером у

Пяста, где Мандельштам»². Спустя неполных два дня, 15 июня 1912 г., Блок вновь обратился к своему дневнику: «Около обеда пришел Кожебабкин и принес ужасную весть: вчера ночью Сапунов утонул в Териоках – перевернулась лодка»³.

Трагическую гибель тридцатидвухлетнего живописца и театрального декоратора Николая Николаевича Сапунова по свежим следам подробно описал в своем дневнике Михаил Кузмин: «В Териоках сыро в мрачно <...> Н. Н. <Сапунов> послал нас в Казино, обещая придти вскоре. Посмотрели театр и стали есть <...> Наконец пришел Сапунов и стал сердиться и ссориться. Решили поехать кататься. Насилу достали лодку. Море как молоко. Было не плохо, но когда я менялся местами с княжною, она свалилась, я за нею, и все в воду. Погружаясь, я думал: неужели это смерть? Выплыли со стонами. Кричать начали не тотчас. Сапунов говорит: “Я плавать-то не умею”, уцепился за Яковлеву, стянул ее, и опять лодка перевернулась, тут Сапунов потонул, лодка кувырнулась раз 6. Крик, отчаянье от смерти Сапунова, крики принцессы и Яковлевой – ужас, ужас. Море пусто»⁴. Менее эмоциональный отчет о гибели Сапунова напечатала газета «Новое время»: «Покойный в компании с поэтом М. Кузминым, <..> художницею Я<ковлевой> и двумя девушками до часу ночи оставался в териокском “Казино”, а затем все отправились на морскую прогулку по Финскому заливу <...> Во время катания на лодке молодые люди неоднократно переходили с одного конца на другой. Неожиданно во время одного из таких переходов лодка опрокинулась, и все оказались в воде. После продолжительных усилий и борьбы молодые люди успели выбраться из-под накрывшей их лодки и ухватиться за один борт, но лодка вследствие перевеса одной стороны вскоре вновь перевернулась. В это время на помощь погибавшим молодым людям подплыли матросы териокского яхт-клуба и спасли всех, кроме Сапунова. Сапунов утонул до прибытия помощи. Как предполагают,

он был накрыт лодкою во второй раз и, несмотря на усилия, не мог выбраться и пошел ко дну»⁵.

«Казино», упоминаемое и Кузминым, и газетным репортером – это гостиница на берегу Финского залива. «Театральный сарай того же “Казино” <...> был местом спектаклей Териокской труппы», – свидетельствовал в своих мемуарах Пяст⁶. Он же оставил воспоминания о встречах с Сапуновым на веранде гостиницы: «Н.Н. Сапунов, с которым я познакомился в Териоках на веранде этого “Казино” только перед самой его смертью, но которого вещами на последних выставках особенно восхищался, – весной 1912 г. переживал такой глубокий душевный кризис: так лихорадочно бросался от беспробудной работы к беспробудным кутежам, так искал в лице А. Блока исповедника-утешителя, так не раз собирался покончить с собой, что, можно думать, принял смерть в мелких волнах Финского залива с вождением, как избавительницу от чрезмерных для живого существа мучений раздвоенности. Все-таки тяжело было за него, что больше ему уже не приходилось вдыхать этого морского утреннего воздуха, ни хрустеть босыми ногами по влажному горячему песку береговой полосы»⁷.

Мог ли Мандельштам, входивший в тот же артистический профсоюз, что и Сапунов, и проведший весну и лето 1912 г. в Финляндии, не откликнуться на смерть художника? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, может скрывать мандельштамовское стихотворение с содержащим подсазку для своих и загадку для чужих заглавием – «Казино».

Представляется вероятным, что впечатления Мандельштама от смерти Сапунова наложили отпечаток на первую половину этого стихотворения, особенно на заключительные строки его второй строфы. Здесь почти документальным кажется эпитет «бездыханная», приложенный к «душе». Однако «сапуновская» тема отчетливо звучит и во второй половине стихотворения, где «серому пятну» природы (убившей художника) противопоставлена насыщенная богатыми цветовыми оттенками комната «Казино» (в

одном из помещений которого, напомним, игралась спектакли Териокского театра). Более того – в стихотворении Мандельштама комната «Казино» предстает не просто подобием сцены, подсвеченной лучом театральной рампы («И тонкий луч на скатерти измятой»), а средоточием реалий, характерных для живописи и сценографии именно Сапунова. Так, мандельштамовскую строку «Когда, как роза, в хрустале вино» правомерно, по видимому, считать поэтической вариацией на тему одного из самых известных натюрмортов Сапунова 1910 г. Вот как этот натюрморт описывают искусствоведы: «Перед нами <...> высокий зеленоватый хрустальный кувшин с крышкой <...> В одной из ваз бумажные розы. Превосходно переданные грани хрустального кувшина мерцают в полутени»⁸. Кстати сказать, роза, введенная в стихотворение Мандельштама через сравнение («как роза»), может считаться своеобразной эмблемой сапуновского творчества: в каталоге посмертной выставки произведений Сапунова (М., 1914) картин с названием «Роза» – три. «Почти гениально писал он живые цветы», – констатировал в «Воспоминаниях о Н.Н. Сапунове» С. Кара-Мурза⁹.

«В хрустале вино» тоже не раз изображалось Сапуновым. Не случайно образ художника, «в опьянении легком» наслаждающегося «красками жизни», которые затем будут перенесены на «полотно», возникает во многих мемуарах о Сапунове. «За бутылкой французского вина» запомнился Сапунов Ф.Ф. Комиссаржевскому;¹⁰ сходную картинку встречаем в воспоминаниях А.А. Мгеброва: «Однажды, мы сидели с Сапуновым на эспланаде териокского пляжа, пили вино и мечтали»¹¹.

Узнаваемо «сапуновский» натюрморт вписан в стихотворении Мандельштама в узнаваемо «сапуновскую» театральную декорацию. Особенно впечатляет сопоставление антуража мандельштамовского «Казино» («Широкий вид в туманное окно»; «И, окружен водой зеленоватой, // Когда, как роза, в хрустале вино») с декорацией, придуманной Сапуновым для спектакля «Гедда Габлер». Этим спектаклем осенью 1906 г. открылось новое

помещение театра В.Ф. Комиссаржевской. «Сцена казалась окутанной голубовато-зеленой, серебристой дымкой, – вспоминал современник. – Голубой задний занавес. На нем направо – громадное, во всю высоту сцены, переплетенное окно <...> За окном зеленовато-синий воздух <...> На полу зелено-голубой ковер <...> Зелено-белые вазы. В них белые хризантемы <...> И, как морская вода, как чешуя морской змеи, платье Гедды Габлер»¹². Мандельштам, безусловно, хорошо помнил декорации к этому спектаклю. В 1923 г. он описывал их в своем «Шуме времени»: «Бравич был ассессор Брак, Комиссаржевская была Геддой. Ходить и сидеть она скучала. Получалось, что она всегда стоит; бывало, подойдет к синему фонарю окна профессорской гостиной Ибсена и долго-долго стоит, показывая зрителям чуть сутулую, плоскую спину»¹³. Нельзя ли предположить, что мотив чайки в стихотворении «Казино», помимо своего прямого назначения, призван был напомнить о Комиссаржевской – прославленной исполнительнице роли Нины Заречной в пьесе Чехова?

В блоковском «Балаганчике» – еще одном знаменитом спектакле театра Комиссаржевской, оформленном Сапуновым, образ окна так же, как в мандельштамовском стихотворении «Казино», отделяет обыденную реальность (чреватую «бездною проклятой») от условного сценического пространства. В одной из сцен пьесы Арлекин «прыгает в окно. Даль, видимая в окне, оказывается нарисованной на бумаге. Бумага лопнула. Арлекин полетел вверх ногами в пустоту»¹⁴. Кардинально различным, впрочем, было отношение Блока – автора «Балаганчика» и Мандельштама – автора «Казино» к обыденной реальности и приукрашивающей эту реальность театральности.

«В хрустале вино», создатель «Незнакомки», в противоположность Мандельштаму, спасаясь от реальности, употреблял в изрядных количествах, и это стало частью его персонального «автобиографического мифа». Тем не менее, символист Блок парадоксальным образом отдавал предпоч-

тение не театру, а жизни: «...я ведь никогда не любил мечты, – признавался он в письме к А. Чеботаревской, – а в лучшие свои времена, когда мне удастся более или менее сказать свое, настоящее, – я даже ненавижу “мечту”, предпочитаю ей самую серую действительность»¹⁵. Без пяти минут акмеист Мандельштам, отчасти противореча программным установкам поэтической школы, сложившейся усилиями Гумилева и Городецкого¹⁶, воспевал не «серое пятно» действительности, а действительность, преображенную творческим усилием художника. Сравним с мнением знатоков о творческих устремлениях Сапунова: «Тяготая к красочности, яркости, он любил сказки, как все, что можно противопоставить тусклой обыденности»¹⁷.

Спустя двадцать три года Мандельштам, руководствуясь сходными основаниями, противопоставит театр Гольдони театру Чехова: «Чехов забирает сачком пробу из человеческой тины <...> Люди живут вместе и никак не могут разъехаться. Вот и все. Выдать им билеты – например трем сестрам, и пьеса кончится. Возьмите список действующих лиц хотя бы у Гольдони. Это виноградная гроздь с ягодами и листьями, это нечто живое в целом, что можно с удовольствием взять в руки <...> Тут мы имеем дело с цветущим соединением, с гибким и свободным сочетанием действующих сил на одной упругой ветке»¹⁸. Весьма характерно, между прочим, что противопоставляя со знаком минус «бытовой» театр Чехова «романтическому» театру Гольдони, Мандельштам воспользовался полуцитатой из «Зависти» Юрия Олеши, где это противопоставление также проводится весьма последовательно. У Олеши, напомним, «ветвь, полная цветов и листьев».

Не слишком на этом настаивая, можно предположить, что даже сапуновские предпочтения в поэзии отразились в стихотворении Мандельштама. «Сапунов очень любил стихи, особенно Лермонтова и Тютчева», – сообщал Блок матери 27 июня 1912 г.¹⁹ Не потому ли двумя ключевыми

подтекстами сонета «Казино» послужили лермонтовская «Родина» и тютчевское стихотворение «Святая ночь на небосклон взошла...»?²⁰

В заключение честно и сами приведем наиболее сильный аргумент против изложенной здесь гипотезы: как известно, «Казино» было датировано поэтом – «Май 1912», а Сапунов утонул в июне. Однако тут же предъявим и контраргумент: может быть, Мандельштаму, крайне редко в свой ранний период метившему стихи не только годами, но и месяцами, просто не очень хотелось, чтобы его сонет в сознании друзей-модернистов был непременно приурочен к дате гибели Сапунова?

Если это было так, то мандельштамовский план не сработал. Аллюзия, вложенная в сонет «Казино», как представляется, была уловлена осведомленными современниками. В 1915 г. поэт и литературный критик Иннокентий Оксенов написал стихотворение памяти Сапунова, вторая строфа которого отчетливо перекликается с ключевыми мотивами мандельштамовского сонета:

Когда-то взявший Сапунова,
Еще безмолвствует залив.
Но я прислушался, забыв,
Что для меня ничто не ново.

Всегда белеет казино
У вечно-памятных прибрежий,
И утром рвется ветер свежий
В мое высокое окно.

Но не стремятся мореходы
Вращать покорные рули,
Как будто волны унесли
Неповторяемые годы²¹.

-
- ¹ *Гаспаров М.Л.* Сонеты Манделъштама 1912 г.: от символизма к акмеизму // *Europa orientalis*. 1999. Vol. XVIII. № 1.
- ² *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 150.
- ³ Там же.
- ⁴ *Кузмин М. А.* Дневник. 1908–1915. М., 2005. С. 358.
- ⁵ Цит. по комментарию Р.Д. Тименчика в книге: *Пяст В. А.* Встречи. М., 1997. С. 355.
- ⁶ Там же. С. 159.
- ⁷ Там же. С. 162.
- ⁸ *Алпатов М. В., Гунст Е. А.* Николай Николаевич Сапунов. М., 1965. С. 35.
- ⁹ *Кара-Мурза С.* Воспоминания о Н.Н. Сапунове // Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики В. Брюсова, М. Кузмина, П. Потемкина, С. Кара-Мурза, Ф. Комиссаржевского, Я. Тугенхольда и А. Эфроса. М., 1916. С. 38. В 1907 г. Сапунов участвовал в художественной выставке «Голубая роза».
- ¹⁰ *Комиссаржевский Ф.Ф.* Сапунов-декоратор // Н.Н. Сапунов. Издание «Аполлона». Пг., 1916. С. 9.
- ¹¹ *Мгебров А.А.* Жизнь в театре: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1932. С. 204.
- ¹² *Комиссаржевский Ф.Ф.* Указ. соч. С. 16.
- ¹³ *Манделъштам О.Э.* Шум времени // Манделъштам О.Э. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 385.
- ¹⁴ *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М.; Л., 1961. С. 20.
- ¹⁵ *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.; Л., 1963. С. 451.
- ¹⁶ О том, что сонет «Казино» противоречил тезису «радости» (жизнеутверждения) в разрабатывавшейся программе акмеизма, см.: *Тименчик Р.Д.* Заметки об акмеизме // *Russian Literature*. 1974. № 7/8. С. 29.
- ¹⁷ *Алпатов М.В., Гунст Е.А.* Указ. соч. С. 41–42.
- ¹⁸ *Манделъштам О.Э.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 414.
- ¹⁹ *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 395.
- ²⁰ Тютчевская реминисценция в стихотворении Манделъштама подмечена в работе: *Тоддес Е.А.* Манделъштам и Тютчев. Lisse, 1974. С. 16.
- ²¹ Новый журнал для всех. 1915. № 12. С. 41.